

Н.Ф. Наумова

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ЗАПАЗДЫВАЮЩЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Наумова Нина Федоровна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института системного анализа РАН.

«Социальная цена» реформ

«Социальная цена» запаздывающей модернизации — прямой ущерб для здоровья и жизни людей, сокращение социальных возможностей для большей части населения, ущемление прав и достоинств человека — всегда высока. И народ ее всегда предчувствует как неотвратимое и непростительное зло. Поэтому властные структуры ощущают потребность идеологически сгладить эту цену, объяснить и оправдать ее как неизбежное и безальтернативное следствие радикальных общественных изменений. Используется «оправдание прошлым», когда социальная цена представляется в качестве «платы» за ошибки или даже как «возмездие» за несправедливость и зло в прошлом. Ссылаются на мировой опыт (действительно, легких структурных перестроек не наблюдается), на трудности радикальных перестроек экономики, политики и сознания. Однако для тех, кого это затрагивает, важно совсем другое. Социальная цена запаздывающей модернизации — результат определенной социальной политики, проводимой административной и идеологической элитой, главный критерий, по которому оценивается деятельность этой элиты и ее право на руководство обществом.

Слишком высокая социальная цена исторически неприемлема не только по нравственным соображениям. Как показала история, лихие запаздывающие модернизации оказались в стратегической перспективе малоэффективными, толкнули российское общество на путь «рецидивирующей» модернизации. В этом направлении действуют два фактора. Во-первых, резкий рост социальной цены, социальных «издержек» вынуждает незапланированно «сбавлять темпы» и вносить лихорадочные, непродуманные коррективы в программу (или схему) модернизации. В результате, как правило, реформы не доводятся до конца, осуществляются частично, качественно трансформируются. Тем самым в них закладываются механизмы отставания, неизбежность новой, и опять запаздывающей, модернизации. Во-вторых, повторяющиеся на памяти одного-двух поколений тяжелые, трагические модернизации заложили в психологию основной части населения глубокий, обоснованный страх перед радикальными реформами, отношение к ним как к стихийному бедствию, недоверие к их идеологам и руководителям. Бесспорные признаки новых социальных испытаний пробуждают эту настороженность, которая сужает область конструктивного участия в реформах, затрудняет адаптацию к ним у людей с небольшим жизненным и социальным ресурсом, провоцирует агрессивность, антиобщественные способы включения в процесс модернизации. В этой ситуации «замораживание» социальной цены реформ становится главной заботой управления.

Традиционные задачи и трудности социальной политики

У социальной политики три основные функции: экономическая — стимулировать различные виды экономической деятельности; социальная — создавать объективные социально-экономические предпосылки для сохранения стабильности в обществе, для восприятия существующей социальной стратификации как справедливой, «естественной»; и резервная, стратегическая — создавать социально-экономические условия для

сохранения и развития «человеческого потенциала», обеспечивать для всех социальных групп необходимый уровень жизни, доступ к медицинскому обслуживанию, образованию и культурным ценностям.

Гармония, сбалансированность этих функций никогда не достигаются автоматически. Стихийный, нерегулируемый социальный процесс сегодня так же, как и две тысячи лет назад, происходит, можно сказать, по «закону Матфея» («богатому присовокупится, а у бедного отнимется последнее»). Современные социальные механизмы, через которые реализуется «закон Матфея», так называемые накапливаемые преимущества — частная собственность, социальный статус, образование, социальные связи и т. д. — действуют именно в этом направлении. Если результаты их действия не корректируются обществом, неравенство возможностей может усиливаться настолько, что начинают страдать сначала функции сохранения социальной стабильности и человеческого потенциала, а затем и сама стимулирующая функция.

Поэтому осуществление экономической, стабилизирующей и стратегической функций, поддержание их баланса — главная цель социальной политики. Однако эта задача — одна из труднейших для социального управления в современном обществе. Сложность ее связана с тем, что балансируемые функции принципиально различны, самостоятельны, не сводимы одна к другой ни при какой экономической и политической «погоде». По своей природе она относится к разряду многокритериальных задач принятия решения в условиях относительной определенности (или неопределенности). В принципе задачи такого рода, как известно, невозможно решить, выбрав один критерий и переведя остальные в ограничения или же «свернув» все критерии в единый глобальный.

В такой ситуации, постоянно сталкиваясь с рассогласованием функций, современная социальная политика вынуждена прибегать к «маятниковой» стратегии, т. е. к периодической смене приоритетов, акцентов на ту или иную функцию. Выбор осуществляется, в сущности, между двумя из них — стимулирующей и стабилизирующей. Таким образом, социальная стратегия развитых стран — в обычных, не кризисных условиях — приобретает вид маятникового движения между «жесткой» и «мягкой» версиями социальной политики.

«Жесткая» направлена прежде всего на стимулирование экономической активности населения, делает ставку на наиболее инициативную его часть. Это предполагает снижение налогов, и прежде всего уменьшение степени «прогрессивности» шкалы налогов на доходы. Таким образом стимулируется предпринимательство и в то же время неизбежно свертываются социальные программы из-за недостатка средств, источник которых — налоги. Сознательно допускается высокая безработица, чтобы сдержать рост заработной платы, а значит и инфляции. Допускается также формирование и расширенное воспроизводство бедности и, следовательно, сопутствующих социальных издержек.

Вторая, «мягкая» социальная стратегия, направлена прежде всего на смягчение социальной напряженности, возникающей в результате «жесткой» политики, на улучшение положения среднего класса и тех групп, которые образуют «низ» социальной структуры. Она сопровождается обычно расширением социальных программ и повышением налогов (как средства для финансирования этих программ и перераспределения доходов). Однако такая социальная политика встречается с серьезными трудностями. «Старение» демографической структуры и складывающиеся высокие ожидания по отношению к социальной помощи могут вызвать неконтролируемый, экономически не обоснованный рост социальных расходов, а увеличение налогов как их основного источника имеет достаточно жесткие ограничения. Кроме того, перераспределение доходов с помощью налогов и социальных программ часто оказывается неэффективным, т. е. очень незначительно увеличивается равенство возможностей. На определенном этапе эти трудности останавливают маятник, начинается движение в противоположном направлении.

Необходимость в маятниковых изменениях социальной политики, в периодической смене приоритетов, конечно, существовала и в нашей экономике и социальной сфере. И осознавалась. Но возможности для этого были резко ограничены. Поскольку государство регулировало не только вторичное распределение, т. е. перераспределение (через общественные

фонды), но и само первичное распределение, жестко контролируя, ограничивая зарплату, налоговый механизм на индивидуальном уровне, играющий решающую роль при смене приоритетов, был не нужен и практически не действовал. Стимулирующая функция была изначально ослаблена из-за отсутствия предпринимательства и постоянного сдерживания роста зарплат, и попытки усилить ее были обречены на неудачу. Следовательно, сужалась экономическая база для осуществления стабилизирующей и «стратегической» функций. Поэтому маятниковые движения осуществлялись в некоторых очень узких и очень специфических сферах — например, в законодательном регулировании «приусадебной» экономической деятельности или в политике правоохранительных органов по отношению к экономическим нарушениям и отклонениям.

Экономические реформы, начатые сейчас, закладывают основания для принципиально иного осуществления и баланса функций социальной политики, для традиционного, универсального маятникового управления. Однако только в отдаленной перспективе, поскольку для такого управления необходимы, как показывает мировой опыт, устойчивый экономический рост, активное государственное вмешательство в процесс социальной дифференциации (и значит большие государственные расходы) и политическая стабильность, основанная на балансе интересов, на отработанном механизме легитимного, рационального взаимодействия групп давления, организованных групповых интересов всех слоев населения.

Социальная политика в переходный период — особый «маятник»

В условиях тяжелого переходного периода осуществление маятниковой политики сталкивается с большими трудностями. Объективная ситуация, характерная для запаздывающей модернизации, накладывает жесткие ограничения на социальную политику. Социальные расходы должны быть сокращены, т.к. они уменьшают и без того недостаточные ресурсы этих стран, необходимые для структурной перестройки экономики. В этом же направлении осуществляется обычно и давление кредиторов, будь то Международный банк реконструкции и развития, Международный валютный фонд или частные банки. Сдерживание роста социальных расходов — их обычное требование.

Столь же обычная реакция управления на подобную ситуацию — отказ от попыток заложить в социальную политику какую-либо долговременную позитивную задачу и опереться на некоторую логику при определении ее приоритетов, убежденность в нереалистичности любых развернутых программ в социальной сфере. Это ошибка первая. В результате ее приходится «тащить» все эти три функции — стимулирующую, стабилизирующую и стратегическую — «фронтом», т.е. поминутно теряя приоритеты, затыкая непрерывно возникающие дыры. Очевидно, что такая политика обречена на провал, ибо она не под силу даже экономически и политически процветающему государству. Между тем и в специфическом «переходном» обществе политика циклов, маятника, продуманной, последовательной смены приоритетов остается единственным способом сохранить в социальной политике стратегическую направленность. Для реализации такой политики необходимо решать две задачи.

Во-первых, нужно осуществлять смену приоритетов в соответствии с высокими темпами экономических и социальных процессов, свойственными переходному периоду. Маятник должен раскачиваться существенно быстрее, чем в стабильной, обычной социально-экономической ситуации. Более того. Если в стабильных условиях можно менять приоритеты вслед за наметившейся неблагоприятной тенденцией (так обычно и делается), в ответ на нее, то в кризисное время приоритеты должны меняться с опережением, до того, как неблагоприятное станет очевидным и о нем «заговорят все».

Такое опережение возможно только в том случае, если мы заранее знаем слабые, уязвимые места каждого приоритета, каждой ориентации социальной политики. Знаем, какие неблагоприятные тенденции могут проявиться, дабы заранее их блокировать. В переходный период стандартные ошибки маятниковой социальной политики делаются именно из-за того, что отрицательные тенденции, неизбежные при ориентации на любую из трех основных функций, при каждом движении маятника недооцениваются и оказываются неожиданными. Следовательно, отсутствует своевременная, превентивная реакция управления.

Во-вторых, необходимо точно представлять себе, какие социальные процессы являются ключевыми в условиях нашей запаздывающей модернизации, будут определять социальную и политическую атмосферу общества, реакции населения на реформы.

Мировой опыт тяжелых запаздывающих модернизаций, сопровождающихся жестким дефицитом ресурсов и падением уровня жизни, исследовался рядом западных аналитиков [1; 2; 3, с. 59, 68-70]. Они отмечают, что в условиях долговременного влияния этих факторов обобщенный прогноз социально-политических изменений таков: элитарные (имеющие очень сильную, очень богатую и властную элиту) демократии и недемократии скорее всего будут превращаться в эгалитарные, т.е. провозглашающие равенство недемократии; эгалитарные демократии выживут, оставаясь таковыми, если им повезет и у них будет лидер с исключительной харизмой — исключительной способностью оказывать влияние на людей. В противном случае они также будут превращаться в эгалитарные недемократии.

Однако самое важное для нас наблюдение было сделано при анализе влияния различных факторов на прогнозируемые процессы. Исследуя сравнительную роль таких характеристик общества, как его централизация, демократизм, репрессивность, равенство, интеграция, законность и беспорядки (конфликты), аналитики пришли к выводу, что ключевым, решающим фактором является степень равенства-неравенства, т.е. социальная и экономическая стратификация, дифференциация общества, в том числе степень неравенства в распределении доходов, богатства, собственности, прав и контроля над капиталом [3, с. 62, 67-68; 4, 5, 6]. Именно степень неравенства будет определять и степень сдвига демократии к недемократии, и степень ответственности политической элиты. Высокий уровень равенства — практически единственный гарант выживаемости демократии в условиях тотального дефицита, резкого и продолжительного снижения уровня жизни. Он же является необходимой предпосылкой доверия к власти, веры в то, что она служит всему народу, а не каким-то группам. Без доверия к власти, как свидетельствует мировой опыт, население не поддерживает радикальные реформы. Оно не верит в то, что переживаемые им трудности и катаклизмы неизбежны, временны и справедливо распределены в обществе, и, следовательно, не соглашается их терпеть.

Другим ключевым процессом в социальной жизни модернизирующегося общества является поведение его политической, административной и экономической элиты. Как и степень социального неравенства, это поведение становится для населения тем бесспорным критерием, по которому оно оценивает социальную суть, социальную направленность реформ («для кого все это делается», «в чьих интересах мы должны все терпеть»). Между тем, как показывает мировой опыт, в модернизирующемся «вдогонку» обществе элита отличается нерациональным, негибким поведением, продиктованным неодолимым стремлением к быстрому обогащению любой ценой, любыми средствами. Этот «синдром временщика» в полной мере характерен для нашего общества. Проявляется он, во-первых, в нежелании, в абсолютной неспособности «делиться» открывающимися возможностями и ожидаемыми доходами с нарождающимся средним классом, в блокировании перераспределительной политики, столь необходимой в кризисной ситуации. Во-вторых, поведение такой элиты неизбежно создает вокруг себя широкое поле корыстных, коррумпированных, криминальных отношений. Синдром временщика ведет к усилению наглого, криминального неравенства и, следовательно, росту недоверия к власти. Тем самым он создает необходимость в насильственном проведении реформ, нелегитимном режиме, репрессиях сверху и терроризме снизу.

Правда, тем самым наша элита закрывает путь к достижению своей заветной цели — легитимизации своего высокого социального статуса в рыночно-демократических структурах. Авторитарный режим вновь делает ее высокое положение негарантированным, зависящим от политической конъюнктуры, административных перетрясок и активности репрессивных структур. Но это, как говорится, «ее проблемы».

Однако самая опасная для общества сторона нерационального поведения элиты — неспособность ее к стратегическому управлению процессом модернизации, невнимание к долговременным социальным функциям, задачам, программам. Регулирование изменений в социальной

дифференциации сводится к тактическим, реактивным мероприятиям для сохранения социальной стабильности («лишь бы не взбунтовались»). Стимулирующая функция резко ограничена, поскольку ставка делается только на некоторые, причем относительно немногочисленные, «активные» группы, которые рассматриваются как социальная опора реформ. Что касается сохранения человеческого потенциала, то эта функция страдает катастрофически. Можно утверждать, что тотальная бедность как следствие запаздывающей модернизации общества — это результат не столько самих по себе экономических реформ, сколько следствие, выражение безответственного поведения политической, административной и предпринимательской элит.

Если управление достигает некой блокировки этой неблагоприятной политической тенденции и есть попытка проводить стратегическую, незапаздывающую социальную политику, то встает задача четко, тонко регулировать каждую из трех основных функций этой политики.

Поддержание социальной стабильности

Очевидно, что в кризисной ситуации социальная стабильность — главная забота. Но часто при этом одерживают верх упрощенные представления о способах поддержания равновесия в обществе — например, при целевой, адресной помощи социально незащищенным слоям. Между тем сохранение социальной устойчивости в условиях снижения уровня жизни — системный процесс, где решающую роль играет взаимодействие трех факторов: социального сравнения; динамики безработицы и стоимости жизни; накопления социального нетерпения.

Социальное сравнение, т.е. оценка человеком своего уровня и качества жизни не по объективным критериям, а в сравнении с уровнем и качеством жизни других людей, других социальных групп — универсальный, постоянно действующий социальный механизм. Попытаться заблокировать его, осуждая как «зависть» или «болезнь красных глаз», так же бессмысленно, как бороться со вторым законом термодинамики, обзывая его «вандализмом» или «болезнью разрушения». В переходные, кризисные периоды, когда размываются социальные нормы, т.е. представления о том, что законно, допустимо, заслуженно, справедливо, нравственно и т.д., роль, сила социального сравнения резко усиливается. Поскольку старые критерии, по которым оценивались труд, усилия, квалификация, заслуги человека (и соответственно справедливость того, что он имеет) уже не признаются, а новые критерии зыбки и не вызывают доверия, люди полагаются только на сравнение («как живут другие»). В нынешних условиях, когда богатство становится демонстративным, а нищета часто не может или не хочет себя скрывать, сравнивать становится легко. Ссылки на сложность и тяжесть труда не смягчают неутешительных оценок, когда разница даже в заработной плате достигает, по данным Госкомстата, 1:34 [7]. Разнице в доходах (в целом, где зарплата — только часть) специалисты не берутся дать оценку, но уже существующее различие в зарплате позволяет предположить, что разрыв в доходах не меньше, чем 1:100. Никто и никогда не сможет убедить человека, что кто-то работает в сто раз больше (интенсивнее, тяжелее) или кто-то в сто раз квалифицированнее его, профессиональнее (поскольку это действительно неверно для огромного слоя врачей, учителей, преподавателей, инженеров, научных работников и т.д.).

Не считается с социальным сравнением опасно. В условиях быстрого расслоения общества, стремительного обогащения верхнего слоя социальное сравнение может провоцировать массовое недовольство даже тогда, когда уровень жизни основной массы населения объективно не снижается (или даже слегка повышается), но сравнительно продолжает ухудшаться. Поэтому необходим целенаправленный контроль за дифференциацией доходов. Гибкая, социально ориентированная налоговая политика регулирует структуру доходов не выборочно (например, «подтягивая» ее низ), а всю в целом, способствуя расширению ее середины (показатель неравенства, коэффициент Джини в этом случае не превышает 0,40-0,45).

Динамика безработицы и стоимости жизни, темпы ухудшения обоих этих показателей оказывают непосредственное влияние на возникновение ситуации социальной нестабильности. Эмпирические исследования на

материале развитых рыночных стран показывают [8], что периоды, предшествующие появлению явных признаков нестабильности (массовые забастовки, массовые акции протеста, использование армии для подавления беспорядков), характеризуются не просто ростом безработицы (т.е. % безработных в трудоспособном населении), а ускорением этого роста. Наиболее часто наблюдаются три типа реакции на такое ускорение: 1) немедленная реакция, в тот же год, когда началось ускорение роста безработицы; 2) реакция с опережением, на основании «социального предчувствия» (это довольно частое явление), т.е. в точке начала заметного ускорения; 3) реакция отложенная, с запаздыванием, через 3-4 года после начала устойчивого, но относительно медленного ускорения роста безработицы.

Хотя первые два типа реакции могут быть очень бурными, взрывными, но более тяжелым является третий, «замедленный» тип. Отложенные реакции основаны обычно на глубоких, кумулятивных психологических процессах, на них труднее влиять, их сложнее компенсировать и регулировать.

Что касается роста стоимости жизни, то симптомы социальной нестабильности появляются примерно через два года после того, как начинается ускорение инфляции.

Таким образом, решающий показатель, который необходимо и можно контролировать, здесь темпы, нарастание неблагоприятных изменений. Радикальные реформы сверху всегда формируют большой потенциал социального нетерпения, требовательного ожидания перемен к лучшему. Отставание реальных улучшений от ожиданий неизбежно. Но часто — и мы имеем сейчас именно этот случай — разрыв может стать источником нестабильности, нетерпение не уменьшается, а усиливается. Например, по результатам телефонных опросов москвичей, проведенных совместно Институтом социологии и Институтом системного анализа РАН, в мае 1990 г. (545 человек) терпение было «на исходе» (т.е. готовность ждать перемен к лучшему — не больше года) у каждого седьмого, а в октябре 1991 г. (535 человек) — уже у каждого четвертого.

Это неприятный сдвиг, тем более, что среди нетерпеливых относительно больше людей в самом энергичном возрасте (30-40 лет), ориентированных на предпринимательскую деятельность и относительно обеспеченных. Плохо и то, что сокращается число «разумно-терпеливых (нетерпеливых)», трезво оценивающих реальные процессы, готовых ждать 2-5 лет, — доля их уменьшилась с 40% до 23%.

Однако увеличилась и доля терпеливых (тех, кто готов ждать больше десяти лет) — с 13% до 28% [9]. Это люди, относящиеся к реформированию общества как к объективной неизбежности, «стихийному бедствию», которое нужно пережить. Сходные тенденции были отмечены в 1992 г., например, исследователями ассоциации ИМА-пресс [10]. Именно эта «группа терпения» является важным стабилизирующим фактором, она представлена практически во всех социально-демографических и профессиональных группах. Правда, терпение — сложный процесс, оно постепенно истощается, но не плавно, а скачками, убывая подчас совершенно незаметно, и не только внешне, но и для самого человека. Сегодня оно есть, а завтра «вдруг» — его уже нет.

Большое влияние на динамику терпения оказывает культура, исторически сложившийся стиль социального поведения. Российское терпение — это терпение бедных, не расчетливое ожидание, а отложенная реакция, отложенный гнев, бунт или уход в себя, это отстранение от социальности. И та, и другая реакция означает, что ход ее практически невозможно контролировать, а иногда — и наблюдать («человек задумался»). Поэтому и выход реакции на поверхность часто неожидан и во времени и в пространстве, и по форме.

Сегодня общий сдвиг этого важного социально-психологического фактора — к некоторому балансу примерно равных по силе (по одной четверти) четырех элементов: нетерпения, рационального терпения, привычного терпения и неопределенности (человек еще не определил границ своего терпения). Очевидно, что это очень неустойчивая система. Нетерпение легко может усилиться за счет любого из других трех элементов и достичь «критической массы». По некоторым оценкам, критическая масса, достаточная для социального взрыва, составляет около одной трети от численности населения [11].

Баланс нетерпения-терпения обычно нарушается тогда, когда

принципиально меняется восприятие, оценка социальной ситуации, когда начинает преобладать мотив «нас обманули». Представление о реформах как «игре с ненулевой суммой», где выигрывают «обе стороны», т. е. почти все социальные группы (хотя и в разной степени), сменяется убеждением, что идет «игра с нулевой суммой», где одни выигрывают только за счет проигрыша других. Такая смена оценок может произойти, например, в связи с процессом приватизации, в ситуации, когда у основной части населения практически нет возможности разобраться в экономической сути и юридических механизмах этого процесса, а информация о приватизации отрывочна, идеологична, иногда недобросовестна. В одном из интервью, проведенном социологами ИСА в трудовом коллективе (шахтерская смена, Донецк, 99 человек, конец 1992 г.) только 18% опрошенных решились хоть как-то ответить на вопрос о том, чем отличается акционерное общество закрытого типа от открытого, и почти все эти ответы были неправильны («открытое — когда участвует весь коллектив», «закрытое — отмываются деньги мафии», «ничем», «закрытое — это мафия, открытое — трудовой коллектив», «все сведения о движении средств открытого АО известны акционерам», «более справедливым распределением всех последующих благ», «руководит 2—3 человека, а в открытом участвует весь коллектив», «когда предприятие будет самостоятельно»). Правильные ответы дали в среднем только 6 человек из 100, причем из 10 членов СТК знали, в чем состоит это различие, лишь двое.

Вхождение в процесс перераспределения собственности «вслепую» очень нежелательно. Во-первых, потому что оно резко снижает шансы миллионов людей на социальный выигрыш от этого процесса. Во-вторых, потому что очень многое в реальном процессе окажется совершенно неожиданным, внезапным и воспринимаемым поэтому как сознательный «обман» и несправедливость. Признаки этого уже налицо. В июле 1993 г. 42% москвичей, опрошенных Институтом социологии парламентаризма, считали приватизацию несправедливой. Затруднились оценить степень ее справедливости 54% и только 14% воспринимали ее как справедливую [12].

Вот почему с точки зрения социальной стабильности (впрочем — и с точки зрения экономической эффективности) необходимо, чтобы приватизация проходила «на равных» для всех участвующих в ней, чтобы она была результатом их обдуманного и добровольного решения. Важно как можно раньше наладить *переговорный процесс*, определить, представить и вовлечь в разработку соглашения *все* заинтересованные стороны — государство (в лице представителя Госкомимущества), администрацию предприятия, трудовой коллектив (в лице профсоюзов, СТК или какого-либо другого органа рабочего самоуправления), пенсионеров (в лице кого?) и т. д. Всем сторонам необходимо обеспечить равные информационные возможности, равное участие и права в переговорном процессе. В этом случае приватизация становится результатом компромисса, рационального *социального контракта* участников, вполне осознающих свои групповые интересы. Регулирование процесса приватизации в таком, «переговорном» направлении позволило бы превратить ее из потенциального источника серьезных социальных конфликтов в стабилизирующий и стимулирующий фактор.

Стимулирование экономической деятельности, формирование среднего класса

Мы уже упомянули еще об одной стандартной ошибке в социальной политике переходных обществ — ориентации в основном на относительно немногочисленную группу экономически активных членов общества, которые рассматриваются как социальная опора реформ.

Практически никак не учитывается тот общеизвестный факт, что опорой модернизации общества, обеспечивающей не только политическую поддержку, но прежде всего — экономический рост, экономическую эффективность реформ, может стать только сильный, *многочисленный средний класс*. Формируется он путем не индивидуальной, а *словесой вертикальной мобильности*, для которой необходимо реальное равенство возможностей. Поэтому задача социальной политики в

модернизирующемся обществе — выравнивать возможности, расширять круг людей, имеющих действительно равные социально-экономические шансы.

Наметилась же иная тенденция. Задача выравнивания шансов даже не ставится, наоборот, делаются некоторые шаги в прямо противоположном направлении (например, развитие платного образования еще более дифференцирует возможности молодежи). Каждому предоставляется право вписываться в новые экономические отношения со своего места в старой социальной структуре, т. е. с заведомо неравного «старта».

Именно этим объясняется зафиксированный во многих исследованиях факт, что отношение к реформам зависит от сегодняшнего положения человека — отрицательное отношение связано с низким социальным статусом, невысоким образованием и квалификацией, низким доходом и т. д. В условиях динамичного переходного общества наличное социальное положение резонно воспринимается человеком прежде всего как стартовое, исходное, определяющее его социальные перспективы в новом, формирующемся обществе. Потому отношение к реформам у групп с относительно низким статусом будет в решающей степени определяться тем, насколько этот статус (бедность, невысокое образование, промышленно отсталый регион, генетически плохое здоровье, неперспективная отрасль хозяйства и т. д.) ухудшает социальную перспективу их самих и их детей. И здесь решающую роль будет играть социальная политика в области образования, культуры и здравоохранения, занятости, подготовки и переподготовки кадров, системы налогов, кредитования, индексации зарплаты и сбережений и т. д.

Человек, как правило, трезво оценивает свои социальные шансы. Результаты многих исследований (например, серия опросов ВЦИОМ по этой проблеме) показывают: среди руководителей и состоятельных людей потенциальных предпринимателей намного больше, чем среди рядовых работников с невысоким образованием и доходом. В этой ситуации преимущественная ставка на экономически активные группы, создание именно им благоприятных условий для социального продвижения означает, что лучшие стартовые возможности для вхождения в новую экономику обеспечиваются как раз тем, у кого они и так лучше. Группы же с худшим стартом остаются не только без реальных шансов, но и без стимулов для более эффективной экономической деятельности. Таким образом, не решается основная задача социальной политики в модернизирующемся обществе, не стимулируется экономическая деятельность большей части населения.

Ориентация на отдельные социальные группы, избирательная поддержка ведет и к другому неприятному следствию. Поскольку включенность в процесс реформ (а, следовательно, и шансы выиграть от них) растет с доходом и статусом, то мы имеем здесь дело с системой с положительной обратной связью. В результате ее действия социальная, прежде всего имущественно-доходная дифференциация может быть доведена этими реформами до предела. Приходится признать, что в сегодняшней политике реформ, в их структуре и темпах запрограммирована необратимая массовая бедность. Чтобы ослабить, заблокировать эту неблагоприятную тенденцию, нужно целенаправленно проводить политику создания реального равенства возможностей, а не просто социальной защиты.

Особая проблема переходного общества — стимулирование экономической активности, отдачи *наемного труда*. Известно, что основой (до 80—90%) современного среднего класса являются представители именно этого труда [13], а не собственник, как принято у нас считать. Чем успешнее процесс модернизации, тем большее значение приобретает стимулирование наемного труда, экономическая заинтересованность его представителей в становлении новых социальных структур.

Наемный труд неоднороден, все большее место в нем занимают белые воротнички, но и промышленные рабочие сохраняют значительное место. Особенно важно вхождение рабочих в средние слои, стимулирование их труда в условиях запаздывающей модернизации, решающим элементом которой является структурная, отраслевая перестройка экономики. Обычно в среднем классе оказывается наиболее квалифицированная, производительная часть рабочего класса. Поэтому важно, чтобы именно эта группа психологически естественно, органично входила в процесс реформ, воспринимая их как появление новых для себя возможностей.

Однако в последнее время проявляется иная тенденция.

В одном из наших исследований (опрос заводского коллектива в Краснодаре, 172 человека, конец 90 г.) на основании оценок бригадиров и мастеров была выделена группа наиболее эффективных работников, отличающихся высокой производительностью труда, инициативой и добросовестностью. Их социальные установки сопоставлялись с установками «нелучших» работников. В результате сравнения получилась достаточно четкая и тревожная картина.

Те, чей труд наиболее производителен, чаще (относительно) придерживаются «трудовой» концепции справедливости, считают, что доходы человека должны зависеть только от его трудового вклада и квалификации, чаще ждут социальной защиты от государства (те, чья производительность труда меньше, чаще считают, что «люди должны сами себя обеспечивать»); у них слабее развито «социальное сравнение», при оценке своего заработка они чаще ориентируются на справедливость, чем на «зарботки других»; причину бедности склонны усматривать в несправедливой оплате и плохом социальном обеспечении (их антиподы чаще говорят о лени); реже высказывают намерение завести собственное дело.

Наиболее инициативные работники чаще надеются на социальную защиту государства (неинициативные — на «самих себя»); видят причину бедности в несправедливости (неинициативные — в низкой зарплате и лени); никому не отказывают в равных со всеми правах (неинициативные отказывают в них недобросовестным, тунеядцам, бывшим преступникам и т.д.); ждут от рынка возможности больше заработать (неинициативные — частной собственности).

Наиболее добросовестные работники чаще рассчитывают на защиту государства (недобросовестные — на себя); видят причину бедности в несправедливости (недобросовестные — в лени); не поддерживают ущемление прав кого бы то ни было (недобросовестные лишают равного права тех, кто «плохо, недобросовестно работает»); считают, что государство должно не допускать безработицы (недобросовестные утверждают, что это дело самого человека, «пусть ищет работу»); ориентируются на государственную собственность (недобросовестные — на акционерную и частную).

Несомненно, эта картина парадоксальна и объясняется тем, что отношение к социальным переменам и здесь определяется оценкой своих социальных перспектив. Странная, явно компенсаторная, как сказал бы психолог, приверженность неважных работников к справедливой оплате труда, особое воодушевление по поводу борьбы не только с привилегиями, но и с лентяями, недобросовестными работниками, тунеядцами и т.д., уверенное стремление к частной собственности и предпринимательству, отсутствие страха перед безработицей и социальной незащищенностью — все это говорит о том, что в данном случае люди оценивают свои перспективы не по своим реально существующим возможностям. Здесь иной механизм — реформы воспринимаются как радикальная социальная «смена караула», когда появляются новые возможности просто потому, что «освобождаются места», рушится «истеблишмент», сложившаяся социальная система, социальная структура, и этому процессу можно помочь и найти в нем свое место, просто приняв как можно быстрее новую систему ценностей. Лучшие работники как часть «истеблишмента» и должны уступить места.

Понятно, что такую перспективу чувствуют не только претенденты на эти места, но и сами хорошие работники. Отсюда их настороженность, защитная реакция, выражающаяся в подчеркнутом недоверии к предпринимательству или в отстаивании ценностей равенства.

Конечно, сейчас социальные установки наемного труда очень зыбки, противоречивы, динамичны и неокончательны. В ближайшее время они начнут определяться, будут меняться в сторону трезвого отношения и к социальным возможностям, и к социальным перспективам в целом. В этой ситуации необходимо специально учитывать интересы наиболее квалифицированной и эффективной части работников, «делать ставку» на них. Именно они должны представлять рабочих в переговорном процессе, при формировании различных форм «социального контракта» (коллективный договор, договор об акционировании и т.д.), при разработке социальных соглашений по основным проблемам экономических и политических реформ — приватизации, индексации, трудовому

законодательству, развитию рабочего самоуправления, представительству рабочих в органах власти и т.д.

Когда запаздывающая модернизация проводится успешно и разумно, выравнивание старта обеспечивается за счет структурных изменений в экономике; уменьшается неравенство оплаты труда между отраслями и внутри них в результате научно-технического развития, открывающего новые экономические возможности (в частности, высокооплачиваемые рабочие места), роста уровня образования населения (что облегчает вертикальную мобильность) и активной перераспределительной (налоговой) политики. Однако там, где запаздывающая модернизация не смогла обеспечить людям равный старт, серьезно расширив средний класс, возникали жесткие, кровавые ее модели. В этом случае социальная опора создается на «уже занятом» социальном пространстве, т.е. с помощью политического, экономического, правового или физического уничтожения тех слоев, которые должны бы существенно возрасти за счет массовой мобильности.

Стратегическая задача — сохранение человеческого потенциала

В условиях запаздывающей модернизации стратегическая функция социальной политики страдает прежде всего. Наше государство не обеспечивает сохранения и развития человеческого потенциала, спешит почти целиком переложить эту задачу на самого человека и (или) местные органы управления, общественные организации и т.д. Эту тенденцию прекрасно чувствует население, неприятие ее и страх перед нею накладывает отпечаток на отношение ко многим элементам реформ. Например, опасения, связанные с приватизацией, рождают три наиболее сильных «страха»: «отсутствие законов и организаций, способных защитить права наемных работников», «потеря работы, безработица» и «ухудшение социального обеспечения, социальной защиты работников на предприятии». Этим объясняется и тот факт, что каждый пятый респондент (по данным уже упомянутого шахтерского опроса) хотел бы использовать процесс приватизации для обеспечения основных социальных гарантий — бесплатного образования для детей и бесплатного медицинского обслуживания.

Неприкрытое стремление государства сбросить с себя эти заботы, понятное с финансово-экономической точки зрения, представляется опрометчивым с точки зрения социальной. Оно может иметь смысл в богатой стабильной стране — как ограниченное во времени движение «маятника» социальной политики. Но у нас, в условиях социального кризиса, резкого снижения уровня жизни и полного отсутствия страховых систем, это стремление просто иррационально.

Одним из главных показателей расогласования функций социальной политики, нарушения их баланса (когда преобладание одной блокирует остальные, делает их неэффективными, или все они оказываются ослабленными) является *рост бедности*, превращение его в неуправляемый процесс, с причинами и следствиями которого общество не может справиться. Особенно злокачественным становится этот процесс, если бедные слои формируются по расовому, национальному, этническому или территориальному принципу. В этих условиях наблюдается целенаправленное формирование агрессивной общественной идеологии, направленной против всех видов «социальной помощи». Утверждается обычно, что она создает «социальный паразитизм» и препятствует экономическому росту.

Наличие устойчивого и воспроизводящего себя «социального низа», из которого выбираются относительно немногие и который передается «по наследству» — свидетельство того, что оказались принципиально ограниченными, распространенными не на все социальные группы не только стабилизирующая и стратегическая (сохраняющая человеческий потенциал) функции, но и функция стимулирующая. Это значит, что социальная поддержка реформ ослабляется количественно и качественно, психологически и мотивационно, а модернизация обрекается на низкую эффективность.

Опыт борьбы с бедностью в развитых странах заслуживает нашего внимания. Принимаемые меры оказываются, как правило, малоэффективными, поскольку воздействуют на следствие — снижение уровня жизни определенных слоев населения, но не на причину —

«маятник» социальной политики. Например, в США в конце 60-х г.г. (самых благоприятных в смысле социальных расходов) одновременно осуществлялось пять крупных программ в этой сфере (помощь старикам, семьям с детьми-иждивенцами, помощь слепым, постоянным и временным инвалидам и нуждающимся в медицинской помощи). Эти программы охватывали почти 10 млн. человек и стоили 9,3 млрд. долларов в год. Однако, по оценкам специалистов, они не смогли радикально поднять уровень жизни этих категорий населения, подтянув его в среднем не выше, чем до 30% от уровня бедности. В 1969 г. в Конгрессе рассматривались еще две программы ("Uniform State Benefits" и "Federal Family Benefits", каждая по 2 млрд. долларов). Но, по оценкам экспертов, ни одна из них не могла подтянуть уровень жизни бедных выше, чем до 42% от уровня бедности [14]. И это — напомним — в благоприятной экономической и социальной обстановке.

Главная задача по отношению к бедности в переходный период — сделать ее *обратимым, временным* и, тем более, не наследуемым социальным состоянием. Конечно, решающим фактором здесь являются объективные социально-экономические условия, реальные возможности для продвижения вверх, существующие у бедных слоев. Однако важную роль играют и социально-психологические условия, которые могут усиливать или ослаблять мотивацию к продвижению, стремление и надежду выбраться из бедности, и преодолеть ее. Необходимо, чтобы общественное мнение поддерживало в бедных чувство собственного достоинства, веру в свои силы, способности, ощущение нужности, полезности своего труда, уверенность в том, что они имеют такие же гражданские, человеческие права, как и другие члены общества.

Решающее влияние на социально-психологические условия, на общественное мнение оказывают взаимоотношения между богатыми и бедными, восприятие ими друг друга, представления о человеческих качествах тех и других. Во-первых, потому что эти взаимоотношения наиболее напряжены. Стихийное, «естественное» их развитие в ситуации снижения уровня жизни и усиления дифференциации диктуется, как правило, страхом богатых перед нарастающей агрессией бедных и отвращением бедных к самодовольству богатых. Это приводит к взаимному ожесточению, формированию взаимноотрицательных представлений, имиджей. Во-вторых, потому что эти взаимоотношения совсем не симметричны в смысле реального взаимовлияния и воздействия на общественное мнение. «Социальный верх» обладает несравненно большими (практически неограниченными) возможностями для формирования желаемого образа бедных. Часто, особенно в бедных и переходных обществах, такой образ формируется инстинктивным стремлением социально-экономически и политически заблокировать бедные слои, тем самым оградив себя (как мерещится «верхам») от этого постоянного источника преступности, болезней, насилия, отклоняющегося поведения и т.д. И к тому же — от постоянного притока ненужных конкурентов на рынке способностей, упорства и удачи. Поэтому стихийно поощряемая богатыми идеология бедности сводится, в сущности, к постулатам типа «бедные сами виноваты в своей бедности, они на большее не способны», «кесарю кесарево, а слесарю слесарево» и «бедные должны знать свое место».

Однако для развития общества, особенно в переходный период, необходимо, повторю, чтобы бедные не только не мирились со своим низким статусом и не считали себя «вторым сортом», но, наоборот, не теряли веры в себя и в свой социальный шанс. Только в этом случае усиливается, становится массовой вертикальная мобильность, формируется и крепнет тот самый средний класс, который является подлинной социальной опорой рыночных реформ. В «блокировании» бедных слоев, формировании психологии «гетто», социальной обреченности могут быть заинтересованы только социально-экономические временщики. Как свидетельствует мировой опыт, борьба с бедностью может быть эффективной, если соединяются усилия государства и общества по выравниванию социальных возможностей различных групп населения на всех этапах «социальной карьеры» человека. С этой целью осуществляется, во-первых, соответствующая реформа образования — проводится специальная подготовка сравнительно отсталых детей еще до школы, развивается непрерывное образование, упор делается на умение и конкретные знания, а не на престижные дипломы, расширяется система

специального образования, равноценного, равноправного с общим. Во-вторых, реализуется серия частных социально-экономических программ (например, обеспечение занятости или повышение уровня дохода определенных групп населения), прежде всего — региональных. В-третьих, подчеркивается необходимость специальной защиты работающих бедных, интересы которых, как считают, обычно защищают гораздо слабее, чем интересы неработающих бедных. В-четвертых, с помощью трудового законодательства поддерживается единство рынка труда, т. е. блокируется возникновение «двойного» рынка, когда человек, оказавшийся на «вторичном» рынке, обречен на меньшую оплату, худшие условия труда, на социальную незащищенность и т. д. Этот перечень можно было бы продолжить. Важно отметить, что многие из мер по преодолению бедности не требуют больших затрат, они доступны даже нам.

* * *

Состояние нашего общества специфично не только «количественно» (снижение уровня жизни, увеличение социальной патологии и т. д.), но и «качественно», системно. Это одна из тех сложных развивающихся систем, которые описывает лауреат Нобелевской премии И. Пригожин, утверждая, что они имеют, кроме актуальной, еще и потенциальную структуру, с характерной для нее альтернативностью, т.е. наличием ряда неустойчивых и исключают друг друга при реализации состояний [15]. В переводе на язык управления это значит, что по отношению к таким системам (да еще в состоянии неравновесия) бессмысленно моделирование типа «иного не дано»; альтернативность постоянна, следовательно, в любой момент может возникнуть (или уже возникло, но осталось незамеченным) «иное», которое «дано». Мировой опыт показывает, что практически сколько стран — столько вариантов запаздывающей модернизации, реформ. Постоянно — и часто радикально — меняется не только ситуация выбора (т. е. альтернативы, из которых нужно выбирать), но и само «уравнение», по которому развивается регулируемый процесс. Поэтому в переходный период по отношению к неравновесной социально-экономической системе уместна стратегия управления не жесткая, «последовательная», а гибкая. Не сопротивляющаяся корректировкам, а наоборот, как бы ищущая их, поскольку она озабочена прежде всего тем, чтобы не прозевать, не упустить всплывающие из потенциальных структур альтернативы, среди которых могут быть как раз те варианты развития, которые вернут системе равновесие, устойчивость, управляемость.

Литература

1. The breakdown of democratic regimes / Ed. by Y. Zin, A. Stepan. Baltimore; The Johns Hopkins University press, 1978.
2. Brown L. Building a sustainable society. New York: W.W.Norton and company, 1981.
3. Finslerbusch K. Consequences of increasing scarcity on affluent countries // Technological forecasting and social change. 1983. Vol. 23. N1. P. 59-73.
4. Hewitt Ch. The effect of political democracy and social democracy on inequality in industrial societies // American sociological review. 1977. Vol. 42. N 3. P.450—464.
5. Bonschier V., Ballmer-Cao Th.-H. Income inequality: a cross-national study of the relationships between MNC-penetration, dimensions of the power structure and income distribution // American sociological review. 1979. Vol.44, N3, P. 487—503.
6. Miller E. Income inequality, regime repressiveness and political violence // American sociological review. 1985. Vol. 50, N.1, P.47—61.
7. Советская Россия 1993, 10 августа
8. Достойнова Т.Е. Метод формализованного описания социально-экономических ситуаций для задачи интерпретации результатов моделирования / Глобальное моделирование: социальные процессы. М.: ВНИИСИ АН СССР, 1984. С. 82—87.
9. Москвичи о проблемах социальной справедливости. М.: Ин-т социологии, Ин-т системного анализа РАН. 1992, С. 64.
10. Финансовые известия. 1993, 4—10 февраля.
11. Engelmann H. Communication to the Editor // The American sociologist. 1967. Vol.2, N.4, P.217.
12. Известия. 1993, 11 августа
13. Наумова Н.Ф., Коржева Э.М., Попов К.Н. Социальные процессы в

современном капиталистическом обществе: основные тенденции и ключевые проблемы // Системный анализ процессов глобального развития. Вып. 3. М.: ВНИСИ АН СССР, 1985, С. 85-103.

14. *Tropman J., Dluhy M., Lind R., Vasey W., Croxton T.* Strategic perspectives in social policy. New York: Pergamon Press. 1976. P.167—175.

15. *Пригожин И.* Перспективы исследования сложности // Системные исследования: Методологические проблемы. Ежегодник 1986. М.: Наука. 1987. С.51.